Дамиан Морвен

Последний свидетель

18+

Дамиан Морвен

Последний свидетель

«Автор»
2026

Морвен Д.

Последний свидетель / Д. Морвен — «Автор», 2026

Анна Воронцова привыкла доверять словам. Она профессиональный переводчик и знает, как одна неточная формулировка способна изменить смысл сказанного. Но однажды вечером Анна становится свидетельницей жестокого нападения в окне соседнего дома. Когда полиция обнаруживает пустую квартиру, её показания начинают вызывать вопросы.Анонимное письмо, загадочная фотография и документы пятнадцатилетней давности связывают увиденное преступление с судебным делом, к которому Анна когда-то имела отношение. В старом переводе исчезло всего одно отрицание. Возможно, именно оно изменило человеческую судьбу.Чем ближе Анна подбирается к истине, тем труднее отличить доказательства от искусно подготовленной лжи. Ведь опаснее человека, скрывающего преступление, может оказаться тот, кто заставляет свидетеля сомневаться в собственных глазах.**«Последний свидетель» — психологический триллер о цене правды, вине и прошлом, которое отказывается оставаться прошлым.**

© Морвен Д., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Точная формулировка 6
Глава 2. Окно напротив 8
Глава 3. Протокол 10
Глава 4. Пустая квартира 13
Глава 5. Линия взгляда 15
Глава 6. Не проживает 17
Глава 7. Чужой ключ 19
Глава 8. Человек у подъезда 21
Глава 9. Ты уже видела это раньше 23
Глава 10. Имя на объявлении 26
Глава 11. Отец Марины 28
Глава 12. Оговорка 30
Глава 13. Вопрос к журналу доступа 32
Глава 14. След исходного текста 35
Конец ознакомительного фрагмента. 38

Дамиан Морвен
Последний свидетель

ПОСЛЕДНИЙ СВИДЕТЕЛЬ
Дамиан Морвен

Глава 1. Точная формулировка

Анна Воронцова перечитала последнюю фразу и поставила курсор перед словом «видел». В оригинале было другое: «мог видеть». Всего два коротких слова, почти неразличимых при беглом чтении, но между ними помещалась чужая уверенность, которой свидетель не выражал.

Она заменила формулировку и снова запустила запись. Мужчина на экране говорил с трудом, будто каждое предложение приходилось проталкивать через собственное недоверие. Анна слушала не интонацию, а границы сказанного. Весь день она не позволяла чужим словам становиться удобнее оригинала.

За окном темнело. В кухне остывал чай, на столе лежала квитанция за электричество, а телефон напоминал о письме заказчику, которое следовало отправить ещё до шести. Анна работала дома второй день подряд. Не потому, что любила одиночество, — в офисе слишком часто просили «немного сгладить» чужую речь. В домашних стенах хотя бы никто не заглядывал через плечо.

Она сохранила файл с новой версией, добавив к названию дату. Потом проверила, не затёрла ли исходник. Эту привычку Анна приобрела поздно. Когда-то ей казалось, что документ — это просто документ: страницы, подписи, скрепки. Теперь она знала, как легко одна строка отделяется от другой и начинает жить собственной жизнью.

Вспоминать, откуда пришло это знание, не хотелось. Анна закрыла папку.

На экране телефона появилась Елена.

— Ты ещё за компьютером? — спросила она вместо приветствия.

— Почти закончила.

— Ты так говорила два часа назад.

— Тогда я почти закончила другую часть.

Елена рассмеялась, но быстро перешла к делу: предлагала встретиться в выходные. У неё был редкий свободный вечер, который она хотела провести не в переписке. Анна посмотрела на список незавершённых задач. На завтра оставалось три коротких файла, два счёта и один разговор с человеком, который не любил исправлений.

— В субботу, — сказала она. — Только без внезапных гостей.

— Я хоть раз приводила внезапных гостей?

Анна промолчала.

— Ладно. Один раз не считается.

После звонка квартира показалась особенно тихой. Не уютной — просто тихой. В тишине становилось слышно, как в стене щёлкает труба, как на лестнице закрывается дверь, как за соседним домом тяжело разгоняется автобус.

Анна встала, чтобы налить свежий чай. По дороге задержалась у окна. Это было не наблюдение за соседями, а привычный способ дать глазам отдохнуть от текста. Напротив стоял такой же жилой дом, только с более тёмным фасадом. Между зданиями оставалось достаточно места для двора, узкой проезжей части и нескольких деревьев, которые почти полностью потеряли листья.

В большинстве окон горел свет. Где-то передвигали стул, где-то мерцал телевизор. Пятый этаж напротив обычно оставался тёмным. Анна замечала это не потому, что следила за конкретной квартирой: просто в ровной сетке освещённых прямоугольников пустое место запоминалось само собой.

Сегодня там светилось.

Она не сразу поняла, что именно её остановило. В комнате горела верхняя лампа, слишком яркая для пространства, в котором, как ей казалось, давно никто не жил. У окна стояла

фигура. Женщина? Анна прищурилась. Стекло отражало кухонный свет, и она отступила в сторону, чтобы убрать собственный силуэт.

Фигура двигалась быстро, словно человек искал что-то на полу. Потом появилась вторая — крупнее, в тёмной одежде. Они находились глубже в комнате, и расстояние делало лица неразличимыми.

Анна вернулась к столу за очками. Это заняло несколько секунд. Когда она снова посмотрела, женщина уже стояла у края освещённого участка, а второй человек перекрывал ей путь к двери.

Она ещё могла придумать обычное объяснение. Спор. Переезд. Неудачная шутка, которую невозможно понять с шестого этажа соседнего здания. Но женщина отступила не так, как отступают в разговоре. Она прижала локти к телу и подняла ладони перед собой.

Анна коснулась оконной рамы.

— Нет, — сказала она тихо, сама не зная кому.

Мужчина сделал шаг. Женщина повернулась боком, пытаясь обойти его. Он перехватил её движение. С такого расстояния Анна не могла увидеть, схватил ли он за руку или за одежду. Она видела только резкий рывок и то, как женщина потеряла равновесие.

Первой мыслью было достать телефон и приблизить изображение камерой. Второй — что на это уйдёт время. Анна осталась у окна. Она боялась потерять из виду женщину.

Женщина поднялась, опираясь на что-то вне поля зрения. Мужчина снова оказался перед ней. Его плечо заслонило половину её тела. Затем они оба резко сместились вправо, туда, где оконная рама отрезала часть комнаты.

Анна не услышала ни крика, ни удара. Стекло между домами не пропускало голосов. Она могла лишь видеть движения и ошибаться в их смысле. Но не в том, что человек пытался вырваться.

Она взяла телефон. Палец завис над экраном: номер экстренной службы был простым, а произнести вслух происходящее оказалось неожиданно трудно. Стоило назвать это нападением, и оно переставало быть чужой сценой за чужим окном.

Анна набрала 112.

Пока соединение устанавливалось, в освещённой комнате женщина снова появилась между плечом мужчины и рамой. Её голова была опущена. Потом она исчезла из видимой части комнаты, будто кто-то потянул её вниз.

Анна прижала телефон к уху.

— Экстренная служба. Что у вас произошло?

— Я вижу нападение, — сказала она. Голос прозвучал сухо и чуждо. — В доме напротив. Пятый этаж. Мужчина напал на женщину. Я не знаю, жива ли она. Пожалуйста, направьте полицию и скорую.

Оператор попросил адрес. Анна назвала свой и начала объяснять, как найти нужное окно. Она говорила быстро, потом остановилась и заставила себя повторить медленнее. Не «убил». Не «зарезал». Не «я всё видела». Только то, что действительно было перед глазами.

На другом конце линии попросили не прерывать связь и уточнить, видит ли она оружие.

— Нет. Я не вижу оружия. И не вижу её сейчас.

Лампа напротив продолжала гореть. Мужская фигура на мгновение пересекла комнату и исчезла за границей оконного проёма.

Анна смотрела на пустой освещённый прямоугольник и впервые за весь вечер не могла подобрать точного слова для того, что происходило.

Глава 2. Окно напротив

Оператор попросил Анну повторить, с какого этажа она наблюдает. Она ответила, не отрываясь от окна, и только после этого поняла, что в первый раз назвала этаж квартиры напротив, а не свой.

— Я на шестом, — уточнила она. — Напротив пятый. В доме через двор. Окна почти на одной линии, но их квартира ниже.

— Адрес соседнего дома знаете?

Она знала номер, но не была уверена в корпусе. Пришлось открыть карту на телефоне. Пока экран загружался, Анна увидела в комнате движение и резко подняла голову. Тёмная фигура прошла вдоль дальней стены. Женщины не было видно. Мужчина наклонился, затем выпрямился. Нельзя было понять, поднимал ли он предмет или разговаривал с кем-то вне видимой зоны.

— Я не вижу, что он делает, — сказала Анна. — Он в комнате, но не у окна.

Оператор попросил не пытаться самостоятельно попасть в соседнее здание. Анна ответила, что остаётся дома. Её раздражало собственное послушание: женщина могла нуждаться в помощи, а она стояла на тёплой кухне, где ещё пахло чаем. Но выйти во двор значило потерять окно из виду и не приблизиться к закрытой квартире настолько, чтобы реально помочь.

Она назвала адрес с карты. Оператор повторил его, уточнил ориентиры и сообщил, что информация передана службам. Анна попросила направить также медиков. Ей не ответили обещанием, которого невозможно было проверить, только задали ещё несколько вопросов.

— Вы видели кровь?

— Нет.

— Нож или другой предмет?

— Нет.

— Вы видели, чтобы женщина выходила?

— Нет. Я видела, как её оттеснили из освещённой части комнаты.

— Нападавшего можете описать?

Анна посмотрела ещё раз. Он был в тёмном, возможно в куртке. Рост на расстоянии оценить нельзя, особенно если человек стоит в глубине комнаты. Она сказала, что мужчина выглядит крупнее женщины, но точного роста и лица не различает.

Оператор говорил спокойно, и от этого спокойствия Анне становилось страшнее. Для голоса в телефоне происходящее уже превратилось в набор граф: адрес, этаж, пол, оружие, травмы. Для неё всё ещё существовало окно, в котором секунду назад человек боролся за возможность выйти из комнаты.

На лестничной площадке хлопнула дверь. Анна вздрогнула так резко, что задела локтем чашку. Чай разлился по столу и подступил к краю ноутбука. Она отодвинула компьютер, промокнула жидкость полотенцем и с ненавистью посмотрела на свои руки. Они делали совершенно обычные движения, пока где-то в тридцати с лишним метрах могла умирать женщина.

В соседнем доме свет не гас. В глубине комнаты появилась третья тень — или это было отражение человека, проходившего по коридору. Анна прищурилась, но силуэт исчез слишком быстро. Она не стала сообщать о третьем человеке как о факте. Слишком многое зависело от угла, стекла и её собственного желания увидеть больше.

— Вы ещё на линии? — спросил оператор.

— Да.

— Если обстановка изменится, сообщите.

Анна попыталась зафиксировать время. На телефоне было чуть больше восемнадцати двадцати. Она запомнила цифры, но не стала записывать точную минуту: звонок сам оставлял временную отметку, а взгляд от окна отвлекать не хотелось.

Через некоторое время в комнате напротив погасла верхняя лампа. Не сразу, а будто кто-то сначала выключил свет в дальнем помещении, а потом здесь. Окно стало тёмным, и в нём возникли отражения дворовых фонарей.

— Свет выключили, — сказала Анна.

— Людей видите?

— Нет.

— Пожалуйста, оставайтесь на месте. Если к вам обратятся сотрудники, расскажите только то, что наблюдали.

Она повторила последние слова про себя: только то, что наблюдали. В них была защита от паники, но не от мысли, что наблюдала она недостаточно.

Внизу послышался двигатель. Анна посмотрела во двор. Машина проехала вдоль дома и скрылась за деревьями. Марку и номер она не разглядела. Она даже не знала, имела ли машина отношение к происходящему. В этот момент почти любой звук казался связанным с соседним окном.

На экране возникло сообщение от Елены: «Суббота в силе?». Анна машинально прочла его и не ответила. Она вдруг подумала, что ещё десять минут назад спорила о гостях, которые могут испортить вечер, и теперь эта прежняя тревога выглядела настолько мелкой, что почти обижала.

Оператор сообщил, что вызов зарегистрирован, и уточнил, может ли Анна принять сотрудников для объяснения. Она согласилась. Разговор завершился, но тишина не вернулась. В квартире слышались холодильник, лифт, собственное дыхание. Каждому звуку приходилось заново находить причину.

Анна открыла заметки и написала: «Женщина у окна. Мужчина вошёл справа. Она отступила. Рывок. Исчезли справа». Перечитала. Исправила «вошёл» на «появился»: откуда он пришёл, она не видела. Ниже добавила: «Лиц не различала. Оружия не видела. Момент смерти не наблюдала».

Последняя фраза казалась чрезмерной. Никто ещё не говорил о смерти. Но Анна понимала, что её собственный страх уже успел построить историю, которой глаза не подтверждали.

Она прошла в прихожую и проверила замок. Затем вернулась к окну. Свет в квартире напротив больше не загорался.

Пока Анна ждала, ей вспомнилось другое помещение — стол с чужими бумагами, женщина, которая несколько дней назад назвалась сотрудницей юридического архива, и разговор о старом переводе. Воспоминание возникло не как подсказка, а как раздражающий обрывок рабочего дня. Женщина тогда задала слишком много вопросов о том, как отличить рабочую расшифровку от заверенной копии. Анна объяснила, не понимая, зачем ей это нужно.

Она не связывала тот разговор с окном. В городе были тысячи комнат и тысячи людей. Но память о чужом настойчивом взгляде задержалась на секунду дольше, чем следовало.

В дверь позвонили.

Анна вздрогнула и посмотрела на экран домофона. Человек внизу представился сотрудником полиции. Она открыла подъездную дверь, а затем обнаружила, что всё это время сжимала в руке телефон так сильно, что побелели костяшки пальцев.

До приезда сотрудников она думала, что самое трудное — увидеть нападение. Теперь ей предстояло объяснить его так, чтобы чужие люди не услышали в её словах больше, чем она знала.

Глава 3. Протокол

Сотрудник, вошедший в квартиру, первым делом попросил показать окно. Анна провела его на кухню, не предложив снять обувь. Он остановился у подоконника, посмотрел на дом напротив и спросил, какую именно квартиру она имеет в виду.

— Пятый этаж, — сказала Анна. — От левого края фасада третье освещённое окно, если считать по той стороне. Сейчас оно тёмное.

Он пересчитал окна, уточнил расположение подъезда и сделал короткую пометку. Анна заметила, что он не смотрит на неё с недоверием. Это почему-то не успокаивало. Он смотрел на дом как на задачу, в которой ещё не хватало данных.

— Расскажите по порядку. С самого начала. Не торопитесь.

Она рассказала, как работала за компьютером, встала за чаем, увидела свет в обычно тёмной квартире. Когда дошла до первого рывка, сотрудник попросил уточнить, что именно сделал мужчина.

— Я не видела его рук полностью. Он приблизился, женщина попыталась пройти мимо, и её резко развернуло. Возможно, он схватил её.

— Возможно?

— Да. Я не могу утверждать, за что именно.

Он кивнул и продолжил записывать. Анна поймала себя на желании добавить детали — цвет волос, выражение лица, жест, который объяснил бы всё. Но таких деталей не было. Между двумя домами находились воздух, стекло, тёмный двор и её собственная растерянность.

— Вы уверены, что это была женщина?

— По фигуре и движениям — да. Лица я не видела.

— А мужчина?

— Второй человек был крупнее. Я решила, что мужчина. Это не то же самое, что видеть лицо.

Он поднял глаза.

— Вы переводчик?

— Да.

— Заметно.

Анна не поняла, было ли это замечание одобрением. Она попросила указать в записи, что её определения приблизительны. Сотрудник ответил, что сначала закончит задавать вопросы, а затем даст ей прочесть то, что оформлено.

В соседнем доме между тем появлялись отдельные огни. Не в том окне. На лестничной клетке, ниже, затем выше. Анна пыталась угадать, добрались ли другие сотрудники до нужной двери, но сотрудник у неё на кухне не сообщал чужих действий как установленных фактов. Он только связался с коллегами и коротко уточнил адрес.

— Вы знаете жильцов той квартиры?

— Нет. Мне казалось, там никто не живёт.

— Почему?

— Света почти никогда нет. Это наблюдение, не справка о жильцах.

— Хорошо. А сегодня раньше вы кого-нибудь там видели?

Анна задумалась. Она редко смотрела в окно днём. Иногда — во время коротких перерывов. Сказать «никогда» было бы ложью, потому что она не могла знать, что происходило, когда работала или спала.

— Сегодня до этого я не замечала, — ответила она.

Вопросы возвращались к одним и тем же движениям. Анне хотелось, чтобы сотрудник спросил, как помочь женщине, а не сколько раз та отступила. Она понимала необходимость

уточнений, но с каждой минутой её раздражение росло. Чужая жизнь, возможно, зависела от скорости, с которой люди заполняли бумаги.

— С ней всё в порядке? — спросила Анна.

— У меня пока нет подтверждённой информации. Коллеги проверяют адрес.

— Вы можете сказать, нашли ли её?

— Сейчас нет.

Он не пытался её утешить. И это было честнее, чем слова, которых она ждала.

Когда сотрудник предложил ещё раз пройти хронологию, Анна попросила минуту. Она налила воду из фильтра, выпила половину стакана и почувствовала, что горло болит, как после долгого спора. На столе лежали её заметки. Она показала их сотруднику, объяснив, что записала формулировки вскоре после звонка.

— Сохраняйте запись, — сказал он. — Не исправляйте дальше без отметки, что и когда меняли.

Анна кивнула. Её поразило, насколько обычной оказалась эта просьба. Сохранить. Не исправлять. Указать время. Всё, что она делала с переводами, внезапно потребовалось от неё самой.

Она открыла историю вызовов и показала время соединения. Сотрудник сверил его с собственными данными. Затем спросил, не пыталась ли она снимать происходящее.

— Нет. Я подумала об этом, но позвонила сразу.

— Почему?

— Потому что она пыталась уйти от него. Я не знала, сколько у неё времени.

Ответ прозвучал как оправдание. Анна почувствовала это и замолчала. Она не обязана была доказывать, что поступила правильно, но уже начинала защищаться от ещё не высказанного обвинения.

Позже ей дали прочесть изложение её слов. Анна задержалась на предложении: «Свидетельница наблюдала, как неизвестный мужчина нанёс женщине телесные повреждения». Она подняла голову.

— Я не могу подтвердить повреждения. Я видела нападение, но не последствия. Напишите, пожалуйста, что я наблюдала борьбу и резкое перемещение женщины.

Сотрудник посмотрел в текст.

— Вы считаете, повреждений не было?

— Я считаю, что не видела их. Это разные вещи.

Он исправил формулировку. Анна прочла её снова, медленно, слово за словом. Подписывая, она вспомнила старую папку из переводческого бюро, бумажную обложку и собственную подпись, которую когда-то поставила, не подумав, что именно она удостоверяет. Воспоминание было неприятным, но коротким. Она отодвинула его, как отодвигала всякий раз, когда прошлое мешало закончить текущую работу.

В коридоре сотрудник задержался и спросил, сможет ли она при необходимости снова описать расположение окна. Анна ответила, что сможет. Она уже знала: теперь ей придётся повторять одно и то же столько раз, сколько потребуется, и каждый раз проверять, не прибавилось ли к её словам того, чего не было.

Когда дверь закрылась, Анна осталась стоять в прихожей. На полу лежала полоска света из кухни. Телефон вибрировал: Елена звонила второй раз.

Анна ответила не сразу.

— Ты пропала, — сказала Елена. — Что случилось?

— Я вызвала полицию.

На другом конце линии стало тихо.

— К тебе?

— Нет. В дом напротив. Я видела, как мужчина напал на женщину.

— Господи. Ты уверена?

Анна закрыла глаза. Вот оно — слово, которое теперь будет звучать снова и снова.

— Я уверена, что видела нападение, — сказала она. — Во всём остальном пока нет.

Елена спросила, не нужно ли приехать. Анна хотела отказаться. Потом посмотрела на чашку, стоявшую возле ноутбука, на влажное полотенце и на тёмное окно напротив. Ей не хотелось оставаться одной, но ещё сильнее не хотелось произносить это вслух.

— Побудь на связи, — попросила она.

Они разговаривали о простом: где Елена находится, сколько времени ей ехать, есть ли у Анны вода. Анна слушала и отвечала коротко. Через несколько минут она поняла, что уже не смотрит в окно каждую секунду. В этом было облегчение, за которым сразу пришёл стыд.

Она вернулась к столу и открыла рабочий файл. На экране всё ещё стояла исправленная фраза: «мог видеть». Анна смотрела на неё, пока буквы не потеряли смысл. В соседнем доме не горел свет. Она не знала, нашли ли женщину, и не знала, что произойдёт с её словами после того, как они уйдут из квартиры вместе с полицейским.

Она закрыла ноутбук. Ночь только начиналась.

Глава 4. Пустая квартира

Утром Анна обнаружила, что всю ночь просыпалась от одного и того же звука. Звука не было: ей только казалось, будто в соседней комнате кто-то переставляет тяжёлый стул. Она садилась на кровати, слушала тишину, вспоминала, что живёт одна, и снова ложилась. К семи часам будильник показался ненужным.

На кухне остывал чай. Анна открыла телефон и перечитала вчерашнюю запись: время звонка, этаж, положение окна, движения двух фигур. Она записывала не для полиции — сотрудник уже принял её объяснение, — а потому, что боялась незаметно изменить собственную память. Каждое перечитывание, однако, делало слова привычнее, а картину за ними менее отчётливой.

Елена прислала сообщение в половине восьмого: «Ты спала?» Анна набрала «да», стёрла и ответила: «Мало». Через минуту телефон зазвонил.

— Я могу приехать после работы, — сказала Елена. — И не спорь заранее.

— Не собиралась.

— Это уже плохой знак. Обычно собираешься.

Анна попыталась улыбнуться, но Елена услышала, как она молчит, и спросила о женщине. Ответа не было. Вчера ей обещали сообщить, если появятся сведения, которые можно передать свидетелю. Она понимала разницу между обещанием и обязанностью, но понимание не помогало.

К десяти Анна должна была отправить перевод. Она села за стол, нашла исходный документ и прочла первую строку трижды. На четвёртый раз обнаружила, что мысленно переводит не её, а вчерашнее объяснение: «пыталась пройти мимо», «резко развернуло», «не видела последствий». В работе такая неточность стоила бы ей заказа. В свидетельстве — могла стоить кому-то доверия.

Она предупредила заказчика о задержке на несколько часов и позвонила по номеру, который ей оставили вечером. Дежурный не стал обсуждать детали, но записал фамилию и передал, что по указанному адресу проверка проводилась. Анна спросила, нашли ли женщину. Ей ответили, что такой информацией не располагают.

— А квартиру проверили? — спросила она.

— По вашему сообщению выезжали сотрудники.

— Это не ответ.

Собеседник выдержал паузу. Анна поняла, что повысила голос, извинилась и попросила только уточнить, кому можно передать дополнительное описание окна. Ей предложили дождаться связи с сотрудником, который оформлял материалы. Она положила трубку и увидела, что её ладонь оставила на столе влажный след.

Через некоторое время позвонил мужчина, вчера записывавший её слова. Он говорил сдержанно, без намеренной мягкости. Квартира, на которую она указала, оказалась пустой. При первоначальной проверке в доступных для осмотра помещениях не обнаружили человека, нуждающегося в помощи, или очевидной картины нападения.

Анна встала так резко, что задела коленом стол.

— Пустой сейчас или пустой вообще?

— Сейчас. И, насколько удалось установить предварительно, постоянно там никто не проживает.

— Но вчера там горел свет.

— Ваши слова зафиксированы.

— Я спрашиваю не о своих словах. Вы проверили, мог ли кто-то войти?

Он ответил, что сведения о проживании и сведения о доступе — разные вопросы. Анна ухватилась за эту формулировку, как за край подоконника. Он не назвал её ошибающейся. Но и не сказал, что верит ей.

После разговора она подошла к окну. Напротив было то же серое здание, те же прямоугольники стёкол, занавеска на этаже выше, горшок с цветком слева. Нужная квартира не выделялась ничем. Вчера она видела там движение; сегодня не могла доказать даже, что кто-то включал свет. Анна вспомнила, как тёмная фигура перекрыла женщине путь, и почувствовала желание немедленно пересказать это ещё раз, громче и подробнее. Она удержалась.

В полдень приехала Елена. Она не принесла утешительных фраз: принесла пакет с едой и бумажные салфетки, потому что у Анны на столе лежали использованные. Елена посмотрела на недопитый чай, закрытый ноутбук, смятый плед и спросила, что известно. Анна повторила только проверенные сведения.

— То есть там никого не нашли? — уточнила Елена.

— Да.

— Может, ты перепутала окно?

Вопрос был разумным. Именно поэтому он задел сильнее, чем прямое недоверие. Анна попросила Елену встать у кухонного окна и показать, какой этаж та считает пятым. Елена пересчитала пролёты, сбилась на уровне технического выступа и призналась, что сама не уверена. Они попробовали ещё раз, теперь от входа в подъезд.

— Я не говорю, что ты ничего не видела, — сказала Елена.

— Знаю. Ты говоришь, что я могла ошибиться в адресе.

— Могла?

Анна посмотрела на фасад. Номер квартиры она не видела. Номер подъезда определила по положению окон. Это было не одно и то же. Ей хотелось сказать «нет», но вместо этого она ответила: «Могла ошибиться в номере. Не в том, что происходило».

Елена кивнула и перестала задавать вопросы. Они поели молча. Обычный запах разогретой гречки показался Анне неприлично мирным. Снаружи проехала мусоровозная машина, во дворе двое людей спорили о парковке. Город не был обязан остановиться, потому что она увидела насилие.

После ухода Елены Анна записала две отдельные фразы. Первая: «При проверке помещение было пустым». Вторая: «Вчера вечером я наблюдала в освещённом помещении борьбу двух людей». Она провела между ними линию, но не поставила знак равенства. Неподтверждённое не становилось выдуманным только потому, что никто не нашёл следов. И всё же линия между фразами оставалась незаполненной.

Глава 5. Линия взгляда

На следующий день Анна поставила на подоконник пустую чашку и отошла на то место, где стояла вечером нападения. Чашка нужна была как отметка. Она заметила, что память каждый раз возвращает её ближе к стеклу, чем она находилась на самом деле. Вчера ей казалось, что она видела почти всю комнату. С этой точки была видна лишь её средняя часть.

Она взяла лист в клетку, нарисовала два фасада и обозначила окна. Сначала получилось аккуратно, неправдоподобно аккуратно. Анна зачеркнула линии, которые не могла проверить, и начала заново. Угол обзора менялся, стоило наклонить голову. Полоска оконной рамы закрывала часть стены. Человек мог выйти из комнаты вправо и исчезнуть, даже не покидая квартиру.

Телефон лежал рядом экраном вниз. Анна решила не смотреть на него десять минут. Через четыре минуты перевернула: сообщений не было. Она рассердилась на себя, вернула телефон на стол и продолжила рисовать. Рисунок не помогал женщине. Зато показывал Анне, чего она не видела.

В рабочем файле ждал перевод приложения к договору. Она включила компьютер и установила таймер на сорок минут. На этот раз работа пошла: даты, оговорки, точные обозначения сторон возвращали ощущение порядка. Но когда в тексте встретилось слово «подтверждает», Анна остановилась. Подтверждение требовало основания. Она подчёркивала это чужим редакторам много лет. Теперь ей предстояло применить правило к собственному страху.

После обеда она вышла во двор. Воздух был прохладным; она не стала придумывать себе, какая именно погода стояла в вечер нападения, — в памяти остались свет комнаты и тёмное стекло вокруг. Снизу окна соседнего дома выглядели иначе. Анна прошла вдоль фасада, не приближаясь к чужому подъезду, и убедилась, что выступ стены скрывает часть окон с одной стороны. С её кухни этого выступа почти не было видно.

Ей захотелось сфотографировать все окна подряд. Она сделала один общий снимок фасада, отметила время и не стала снимать входящих в подъезд людей. Ей нужны были не случайные лица, а проверяемая геометрия. На обратном пути она купила хлеб и молоко. Продавщица спросила, нужен ли пакет. Анна ответила слишком резко, потом извинилась. Ей было стыдно за то, как легко напряжение находило беззащитного адресата.

Дома она наложила снимок на собственный рисунок. Выяснилось, что вечером она видела освещённую часть комнаты, но не порог и не коридор. Женщина могла упасть; могла быть удержана за плечи; могла отступить за невидимую границу. Анна не знала, что произошло после исчезновения фигур. И не знала, осталась ли женщина жива.

Эта последняя мысль была самой тяжёлой. Она поймала себя на том, что в разговорах с Еленой уже несколько раз произнесла «убили». Слово появлялось раньше доказательств. Анна открыла переписку и написала: «Я не знаю, погибла ли она. Я видела нападение. Не хочу, чтобы мы путали одно с другим».

Елена ответила почти сразу: «Поняла. Ты поела?» Анна посмотрела на пакет с хлебом, который так и стоял на стуле, и вдруг заплакала. Не из-за вопроса. Из-за того, что он относился к миру, где человек мог просто забыть пообедать, а не исчезнуть после драки в освещённой комнате.

Она вытерла лицо, сделала бутерброд и записала на отдельном листе ограничения наблюдения: «лица не различила», «руки полностью не видела», «порог не виден», «не наблюдала выноса», «после выключения света не знаю, кто оставался внутри». Пять пунктов выглядели как перечень недостатков свидетеля. Но именно они удерживали рассказ от превращения в догадку.

Вечером ей перезвонили с просьбой ещё раз уточнить расположение окна. Анна предложила показать свой рисунок, предупредив, что это личная схема, а не измерение специалиста. Собеседник попросил сохранить исходный файл фотографии и записи времени, не изменяя их. Она согласилась. Теперь у её страха появилась работа: беречь различие между тем, что было перед глазами, и тем, что хотелось понять.

Перед сном Анна подошла к окну в последний раз. Напротив загорались и гасли огни. В одной квартире человек закрыл шторы, в другой кто-то поставил чашку на подоконник. Тёмное окно оставалось тёмным. Она не стала ждать, пока там снова что-нибудь случится. Отодвинула занавеску обратно и выключила свет у себя.

Глава 6. Не проживает

На третий день после нападения Анне позвонил Алексей Громов. Он назвал должность, фамилию и объяснил, что уточняет материалы проверки. Анна записала его имя на том же листе, где раньше обозначила окна, и попросила назвать номер, по которому сможет удостовериться, что разговаривает с уполномоченным сотрудником. Громов не обиделся. Он продиктовал служебный контакт и предложил перезвонить через приёмную.

Когда Анна удостоверилась, что разговор не был случайной попыткой выведать её сведения, он спросил, удобно ли ей прийти для уточнения объяснений. Время согласовали с учётом её работы. Анна поставила в календаре пометку, перенесла один заказ и почувствовала досаду: происшествие уже меняло её жизнь, хотя о судьбе женщины она не узнала ничего.

В кабинете Громов положил перед ней чистый лист и предложил начать с того, что она считала установленным лично. Анна рассказала о свете, двух фигурах, попытке женщины пройти мимо и резком движении второй фигуры. Он не перебивал, только иногда просил повторить направление. Когда она закончила, он показал её первоначальную запись и отметил две формулировки, которые могли быть поняты шире, чем она намеревалась.

— Здесь сказано «мужчина ударил женщину», — произнёс Громов. — Вы видели сам удар?

— Нет. Я видела резкое движение и то, что она потеряла равновесие. Мне показалось, что он её ударил.

— Тогда так и разделим.

Анна посмотрела на него внимательнее. Он не пытался вычеркнуть нападение. Он убирал из описания действие, которого она не могла подтвердить. Это было неприятно — словно у её свидетельства отнимали силу, — но она знала, что неточная сила опаснее точной слабости.

— Вы сказали, что квартира пустая, — напомнила она.

— Я сказал, что при проверке там не обнаружили людей. Сведения о проживающих тоже требуют уточнения. Не надо соединять их в один вывод.

— А если официально никто не зарегистрирован?

— Это не означает, что никто не имеет ключей или не бывает внутри.

Она кивнула. Это было именно то различие, о котором она спрашивала по телефону. Но теперь оно звучало из уст человека, обязанного проверять версии, а не выбирать ту, что утешает свидетеля.

Громов уточнил, не замечала ли она в предыдущие дни света в этом окне. Анна ответила, что почти всегда видела его тёмным, но не наблюдала непрерывно. Он попросил не употреблять слово «никогда». Затем спросил, слышала ли она что-нибудь через закрытые окна. Анна покачала головой: расстояние между домами было слишком большим для уверенного различения голосов, а движение машин заглушало двор.

— То есть вы не можете описать разговор?

— Не могу. Я вообще не знаю, разговаривали ли они.

— Хорошо.

Она не ожидала, что слово «хорошо» принесёт облегчение. Оно относилось не к её рассказу, а к границе рассказа. Анна впервые почувствовала, что уточнение не обязательно означает отказ от собственных слов.

Вопрос о пустующей квартире возник снова, когда Громов объяснил, что административная информация не равна наблюдению за помещением. У квартиры мог быть собственник, представитель, человек с разрешённым доступом, подрядчик; наличие или отсутствие таких лиц ещё предстояло проверять. Он не назвал ни одного имени. Анна не стала спрашивать о том, чего он, возможно, не имел права сообщать.

— Но если нет следов, — начала она.

— Вы слышите себя? — спросил он спокойно. — «Нет следов» — это уже вывод. У нас есть сведения, что при первоначальной проверке не выявили очевидной картины преступления. Это не тождественно отсутствию любых следов.

Анна опустила взгляд на свои руки. Она много раз требовала подобной точности от заказчиков. Теперь чужая поправка показалась ей почти унижением. Не потому, что Громов был неправ, а потому, что её память нуждалась в подтверждении, которого пока не было.

Она достала рисунок фасадов и фотографию. Громов посмотрел на них, уточнил, когда сделан снимок, и отдельно отметил, что схема составлена позднее, по памяти. Анна сама указала, где на рисунке закрыт обзор и почему не могла видеть дверь комнаты. Он попросил передать копию через согласованный порядок, сохранив исходные материалы у неё без изменений.

— Вы не считаете, что я всё придумала? — спросила она, когда разговор уже заканчивался.

Громов не ответил сразу.

— Я считаю, что вы сообщили о том, что восприняли как нападение. Это проверяется. Ваше добросовестное убеждение и фактическая картина — два разных вопроса. Один не отменяет другого.

Анна ожидала либо поддержки, либо недоверия. Получила работу, которая не принадлежала только ей. По дороге домой она зашла в аптеку за обычными пластырями: на пятке натёрлась кожа от туфель, которые она давно не носила. Нелепая боль помогала чувствовать тротуар под ногами.

В метро она заметила женщину в светлом пальто и невольно проследила, как та исчезает за дверями вагона. Анна отвернулась. Каждый похожий силуэт мог превратиться в доказательство, если позволить страху подбирать факты по форме. Она открыла телефон и внесла в заметку одно предложение: «Не проживает — не значит не входит».

Дома её ждал ответ заказчика: перенос срока принят, но следующий документ нужно отправить вовремя. Анна поставила чайник и села работать. Несколько часов она переводила чужие обязательства, аккуратно отличая разрешение от факта исполнения. Поздно вечером, закрывая файл, поняла, что эти различия уже перестали быть только профессиональной привычкой.

Перед сном она положила рисунок окна в папку рядом с записями звонков. Женщина по-прежнему оставалась неизвестной. Но Анна больше не собиралась доказывать, что в пустой квартире кто-то жил. Она хотела узнать, кто туда входил. И почему никто не смог сказать, куда потом делась та, кого она видела.

Глава 7. Чужой ключ

На четвёртое утро Анна впервые не подошла к окну сразу после пробуждения. Она проверила почту, ответила на два рабочих письма и вымыла чашку, оставленную с вечера. Только потом обнаружила, что всё это время слушала двор. Из открытой форточки доносился металлический стук: кто-то переставлял мусорные контейнеры. Обычный звук был неприятен именно потому, что ничего не означал.

Вчера Громов попросил её не пытаться самостоятельно устанавливать личности людей из соседнего дома. Он не запрещал ей смотреть из окна, но объяснил, что случайный разговор легко превратится в подсказку, которую потом невозможно отделить от чужих воспоминаний. Анна согласилась. Теперь она собиралась выполнить обещание буквально: не расспрашивать никого о нападении и не предлагать версий. Однако у неё оставался вопрос, не требовавший угадывать чужие лица. Если помещение пустует, кто может открывать его дверь?

Она записала этот вопрос на листе рядом с тремя другими: кому принадлежит квартира, кто отвечает за ключи, что именно означает слово «пустует» в справке. Последний пункт она подчеркнула. В её работе различие между «не используется» и «не может использоваться» стоило иногда нескольких страниц пояснений. В разговоре о квартире оно почему-то казалось всем ненужной тонкостью.

Елена позвонила ближе к полудню. Она спросила не о доме напротив, а о переводе, который Анна должна была закончить вчера. Заказчик уже перенёс срок один раз. Анна открыла файл и обнаружила, что за полчаса исправила только заголовок.

— Я работаю, — сказала она.

— Я слышу. Поэтому и спрашиваю, когда ты в последний раз ела.

— Ты начинаешь с простого, чтобы потом спросить о сложном?

— Нет. Сложное ты всё равно расскажешь сама.

Анна посмотрела на остывший рис в контейнере. В разговоре с Еленой ей впервые захотелось соврать не о том, что случилось, а о том, насколько она справляется. Она сказала, что поест, и действительно разогрела обед. Вилка стукнула о край тарелки; рука дрожала едва заметно, но Анна положила её на стол, пока дрожь не прошла.

После обеда она вышла за продуктами. У входа в соседний корпус рабочий закреплял объявление на стенде. Анна прошла мимо, не замедляя шага, и только у ворот вспомнила, что объявление было о замене домофонных ключей. Она вернулась не к рабочему, а к общедоступному стенду. В тексте сообщалось о плановой проверке системы доступа и просьбе жильцам обращаться к управляющей организации. Ни слова о квартире на пятом этаже там не было.

Её внимание привлекла пожилая женщина, которая остановилась рядом и принялась искать в сумке очки. Анна уступила ей место. Женщина прочитала объявление, раздражённо вздохнула и сказала, ни к кому особенно не обращаясь, что новые ключи снова придётся получать по бумажкам.

— А старые перестанут работать? — спросила Анна.

— Это у них спросите. В прошлый раз половина подъезда ходила с чужими.

— Чужими?

— Запасными. У соседей брали, у консьержки оставляли. У кого как. — Женщина наконец нашла очки и снова прочла объявление. — Тут ведь ничего не написано, что прямо сегодня отключают.

Анна поблагодарила её и отошла. Разговор не доказывал, что у кого-то был ключ от нужной квартиры. Более того, речь шла о входной двери корпуса, а не о квартирном замке. Но впервые за несколько дней возникло не воспоминание Анны и не формальная справка, а независимое, пусть и общее, объяснение того, как люди могут попадать в дом.

Она сделала фотографию объявления целиком, вместе с датой и названием управляющей организации. Рядом сняла стенд так, чтобы был виден адрес корпуса. Ей захотелось тут же отправить снимки Громову с подписью «Вот доказательство». Она остановилась. На фотографии не было доказательства. Там была возможность задать проверяемый вопрос.

По дороге домой Анна заметила, что мысленно уже превратила слова женщины в рассказ о конкретном ключе. Она заставила себя повторить сказанное дословно: «У соседей брали, у консьержки оставляли». Никакого пятого этажа. Никакой женщины из окна. Никакой связи с тем вечером. В этом заключалась трудность: ей требовалось удерживать рядом две мысли, не склеивая их в одну.

Дома она позвонила в управляющую организацию по номеру на стенде. Сотрудница ответила, что сведения о выдаче электронных пропусков и сведения о доступе к отдельным квартирам ведутся по-разному. На вопрос, можно ли получить журнал выдачи, попросила изложить обращение письменно и уточнила, что персональные данные третьих лиц по телефону не сообщаются.

— Мне не нужны фамилии, — сказала Анна. — Я хочу понять, бывает ли, что ключи остаются у людей, которые здесь не живут.

— Бывает по-разному. Напишите, что именно вас интересует.

Разговор закончился без ответа, но и без обещания, которое можно было принять за ответ. Анна открыла документ, набрала короткое обращение и несколько минут смотрела на слово «доступ». Потом удалила предложение о нападении. Если сведения потребуются для проверки, их запросит тот, кто вправе это сделать. Её собственное письмо должно было касаться лишь общих правил обслуживания.

Вечером она переслала Громову фотографию объявления и краткую запись разговора с женщиной у стенда, отдельно указав, что имя собеседницы неизвестно и сведения относятся только к общему входу. Через некоторое время пришёл ответ: «Получил. Не устанавливайте пользователей ключей самостоятельно». Ни благодарности, ни возражения.

Анна положила телефон рядом с папкой. Она ожидала от этого дня хоть какого-то подтверждения, а получила лишь новую границу знания. И всё же впервые пустая квартира перестала быть замкнутым пространством, которое либо существовало в её памяти, либо не существовало нигде. У здания были двери, люди, правила и нарушения правил. Каждое из них можно было проверить отдельно.

Ночью она проснулась от щелчка отопительной трубы. Несколько секунд не могла вспомнить, где находится, затем увидела знакомую полоску света из коридора. Она не стала вставать и проверять окно. На прикроватном листке написала два слова: «ключ не квартира». Утром эта запись показалась ей странной. Но она точно знала, зачем её сделала.

Глава 8. Человек у подъезда

На пятый день Анна обнаружила в своих записях три разных времени одного разговора. В блокноте стояло «после обеда», в телефоне — отметка фотографии объявления, в памяти — ощущение, будто женщина у стенда заговорила с ней утром. Она села за стол и вычеркнула из черновика слово «утром». Сомнение было мелким и неприятным. Если она ошибалась даже в этом, что ещё могло незаметно измениться за несколько дней?

Елена приехала без предупреждения только в том смысле, что написала за десять минут до звонка в дверь. В руках у неё были хлеб, йогурт и бумажный пакет с яблоками. Она поставила всё на кухонный стол, увидела разложенные листы и остановилась.

— Ты опять не работала?

— Работала. Два часа. Потом сверяла записи.

— Записи не закончатся, если ты их будешь сверять каждые два часа.

— А если я перестану, они начнут противоречить друг другу.

Елена сняла пальто. Она не предложила Анне забыть увиденное, не сказала, что всё обязательно объяснится. Это и было причиной, по которой Анна терпела её вопросы. Они не отменяли случившегося.

— Ты хотела найти кого-то ещё, кто видел свет, — напомнила Елена. — Нашла?

— Нет. И не уверена, что имею право искать.

— Тогда спроси не о том, что человек видел, а где вообще можно проверить, кто входил.

Анна показала ей снимок объявления. Елена внимательно прочитала его и указала на фразу о плановой проверке системы. Из неё не следовало, что прежние журналы сохранились или что устройство фиксировало каждого посетителя. Елена сказала это спокойно, без торжества. Анна почувствовала раздражение и одновременно облегчение: кто-то ещё умел отнимать у фактов лишний смысл.

Они вышли вместе, чтобы пройти обычный маршрут Анны до магазина. Анна не хотела стоять напротив подъезда, как человек, ожидающий преступника. Они остановились у кофейного киоска на углу. Отсюда была видна часть входной группы, но дверь закрывал рекламный щит, а прохожие перекрывали друг друга. Елена попросила Анну описать, что она действительно видит. Анна перечислила: козырёк, ступени, кусок стекла, человека в тёмной куртке, который вышел из-за щита. Лица она не различила.

— А теперь представь, что прошло пять дней, — сказала Елена.

— Не надо. Я и так представляю.

— Я не о тебе. О любом свидетеле. Он будет помнить человека или то, что ему потом рассказали о человеке?

Анна не ответила. Она понимала, почему Елена осторожничает, и всё равно злилась на неё. С каждым уточнением мир становился менее удобным для уверенности.

У киоска стоял мужчина с термосом. Он разговорился с продавцом о доставке и упомянул, что в соседнем корпусе по вечерам иногда открывают дверь людям без брелоков: кто-то звонит в домофон сразу нескольким квартирам. Анна услышала только конец фразы. Она не вмешалась, пока мужчина не отошёл. Потом спросила у продавца, давно ли тот здесь работает. Тот сказал, что около месяца, и не мог вспомнить конкретного вечера.

— Люди ходят, — объяснил он. — Я за всеми не смотрю. У меня очередь.

— Понимаю. Извините.

Елена купила два стакана кофе. Они отошли к остановке, где было тише. Анна записала слова продавца, но рядом поставила пометку: «не свидетель нападения; не помнит дату». Впервые это не казалось ей поражением. Если свидетель не видел нужного события, его нельзя заставить увидеть его позднее правильным вопросом.

По дороге домой они обсуждали работу. Елена рассказала о конфликте с коллегой, который отправил отчёт без последней страницы. Анна слушала, но через каждые несколько минут ловила себя на том, что мысленно возвращается к подъезду. Она попросила Елену повторить последнее предложение. Та повторила и не стала делать вид, что не заметила рассеянности.

Дома Анна нашла старый рабочий ежедневник. Она искала в нём не дело пятнадцатилетней давности, а пример того, как раньше фиксировала встречи и поручения. На полях одной страницы стояла помета: «источник — со слов клиента». Она долго смотрела на эту короткую оговорку. Когда-то она считала такие слова механической частью профессии. Теперь они казались способом не потерять себя.

Она открыла новый файл и разделила его на три колонки: «видела сама», «услышала от другого», «нужно проверить». Под первой оказались окно, борьба, свет и звонок. Под второй — слова женщины у стенда, рассказ продавца и ответы управляющей организации. Третья колонка была длиннее двух первых вместе. Анна не стала сокращать её ради порядка.

Ближе к вечеру Громов позвонил сам. Он уточнил, не пыталась ли Анна опрашивать жильцов и не распространяла ли фотографии чужих окон. Она рассказала о разговоре с продавцом и признала, что специально спросила его о сроке работы. Громов выдержал паузу.

— Не превращайте общие разговоры в проверку свидетелей, — сказал он. — Вы можете непреднамеренно подсказать человеку нужную вам версию.

— Но если я ничего не делаю, мне кажется, что все просто ждут, пока я замолчу.

— Это разные вещи. Не делать чужую работу — не значит молчать. Передавайте то, что получили, с указанием источника.

— А вы что-нибудь получили?

— Я не могу обсуждать с вами все проверочные действия. Если понадобится уточнение, свяжемся.

Анна положила телефон, чувствуя себя одновременно отстранённой и защищённой. Громов не обещал результата. Он только не позволял ей занять место, которого у неё не было.

На шестой день она наконец отправила заказчику перевод. В тексте было всего два спорных оборота, и Анна проверила их по первоисточнику, а не по привычке. Заказчик ответил коротким «принято». Это слово неожиданно вернуло ей ощущение существования другой жизни — той, в которой точность не служила защитой от чужого насилия, а просто была работой.

Вечером Елена спросила, не хочет ли она переночевать у неё. Анна отказалась. Не потому, что была уверена в безопасности, а потому, что не хотела оставлять квартиру как место поражения. Она заперла дверь, поставила телефон на зарядку и легла раньше обычного. Перед сном ей снова представилась женщина из освещённого окна. Анна не пыталась дорисовать лицо. Она повторила то, что знала: женщина была там; что произошло потом, ей неизвестно.

Утром седьмого дня на кухне было светло. Анна открыла рабочую почту и увидела обычные сообщения. В коридоре раздался звук падающей бумаги. Она решила, что сосед снова уронил рекламную листовку в общий ящик, и не сразу встала.

Глава 9. Ты уже видела это раньше

На седьмой день Анна вышла к почтовым ящикам только после завтрака. Внизу пахло мокрыми куртками и средством для мытья пола. Между рекламными буклетами лежал простой конверт без обратного адреса. На нём было написано её имя и номер квартиры — не напечатано, а выведено неровными буквами. Почтовой марки Анна не увидела.

Она стояла у ящиков дольше, чем следовало. Сначала подумала, что конверт оставил заказчик: иногда документы приносили без предупреждения, хотя она много раз просила так не делать. Потом заметила, что фамилия не указана. Отправителю хватило имени и номера квартиры.

Дома Анна положила конверт на чистый стол. Она собиралась позвонить Громову, не открывая его, однако представила, как будет объяснять, что внутри может находиться нечто важное, и поняла: это только предположение. Она сфотографировала обе стороны, записала время обнаружения и аккуратно раскрыла клапан по краю. Внутри была одна фотография и сложенная полоска бумаги.

На фотографии была молодая женщина. Не в освещённом окне, не в движении, не спиной. Она стояла на улице возле глухой стены и смотрела чуть в сторону от камеры. Анна не знала её имени. Но узнала очертание лица и светлые волосы, которые несколько дней пыталась не дорисовывать по памяти. Узнавание было мгновенным, а уверенность — нет: из окна она не различала черты так отчётливо. Она заставила себя признать, что фотография может быть похожа на женщину из окна, не доказывая, что это она.

На полоске бумаги было напечатано: «Ты уже видела это раньше».

Анна прочитала фразу дважды. Сначала ей показалось, что речь о нападении. Она ведь видела женщину, и кто-то это знал. Затем слово «раньше» сдвинулось в сознании: раньше чего? Раньше фотографии? Раньше того вечера? Раньше нынешнего разговора с полицией? Текст не содержал ответа. От этого он был страшнее прямой угрозы.

Она не стала переворачивать фотографию ещё раз. Ей вдруг показалось, что на обороте может быть дата, и тогда всё придётся понимать по-новому. Это был нелепый страх перед обычным предметом. Анна медленно отодвинула стул, взяла телефон и позвонила Громову.

— Мне принесли конверт, — сказала она, когда он ответил. — В почтовый ящик. Там фотография женщины, похожей на ту, которую я видела в окне, и записка.

— Вы сейчас дома?

— Да.

— Не выбрасывайте конверт и содержимое. Что именно написано?

Анна прочитала фразу без паузы и без объяснений. Громов попросил повторить. Она повторила, теперь медленнее.

— Вы знаете отправителя?

— Нет. Марки нет. На конверте только моё имя и квартира.

— Вы его открывали?

— Да. Перед этим сфотографировала. Я понимаю, что могла оставить следы.

— Сейчас важно сохранить всё как есть. Не передавайте снимки знакомым и не выкладывайте их. Договоримся, как получить предметы и зафиксировать обстоятельства.

После разговора Анна обнаружила, что всё это время стояла. Она села и положила телефон экраном вниз. Ей хотелось немедленно отправить Елене фотографию, попросить взглянуть и сказать, та ли это женщина. Но тогда чужая уверенность стала бы частью её собственной памяти. Она написала Елене только: «Мне принесли кое-что странное. Я связалась с Громовым. Позвони позже».

На кухне закипел чайник. Анна выключила его и не налила воду. Она смотрела на конверт, как на предмет, который кто-то оставил в её квартире, хотя она сама принесла его сюда. Впервые за семь дней история перешла через улицу не в её воспоминаниях, а физически: чужая рука коснулась её почтового ящика.

Когда приехала Елена, конверт уже был убран в отдельную чистую папку по согласованной с Громовым временной схеме сохранения, а фотография оставалась в том положении, в котором Анна её положила. Елена не стала просить показать изображение. Она спросила, не требуется ли Анне поехать куда-то вместе, и принесла из магазина обычную воду и хлеб. Анна хотела сказать, что это не имеет значения, но выпила целый стакан.

— Ты думаешь, это угроза? — спросила Елена.

— Я не знаю. Человек знает мой адрес. И знает, что я сообщила о женщине.

— Это не одно и то же, что знать, что произошло.

— Знаю.

Елена села напротив. Несколько минут они молчали. Потом Анна сказала, что записка, возможно, относится не к нападению. Елена спросила почему. Анна ответила, что грамматически «это» ничем не закреплено: ни словом «женщина», ни словом «окно», ни датой. Можно было бы написать «ты видела её раньше». Отправитель выбрал другую формулировку.

— Ты сейчас переводишь угрозу? — спросила Елена.

— Я пытаюсь не переводить её за того, кто написал.

— А если он именно этого и добивается? Чтобы ты перебирала варианты?

Анна посмотрела на неё. Вопрос был неприятно точным. Она закрыла блокнот, который уже успела открыть для анализа записки.

Позже Громов связался с ней и уточнил последовательность обнаружения, открытия и фотографирования конверта. Анна отдельно сказала, что не видела человека, положившего его в ящик, и не знает, когда это произошло. Она могла назвать лишь интервал между предыдущей проверкой почты и нынешним утром. Громов попросил сохранить исходные снимки в телефоне и не редактировать их. Анна согласилась.

— Вы узнали женщину? — спросил он.

— Мне кажется, что да. Но из окна я не видела её лица так близко. Я не хочу выдавать сходство за установление личности.

— Это важное уточнение.

Анна не испытала облегчения. Факты не изменились. Но с каждым прочтением записка означала что-то другое.

К вечеру она поймала себя на том, что рассматривает старые рабочие папки. Это произошло не потому, что она внезапно вспомнила конкретный документ. Фраза «раньше» заставляла искать опору в привычной области: там, где прошлое хранилось под датами и номерами заказов. Она открыла каталог давних проектов, увидела годы, названия бюро и незнакомые теперь сокращения. Ничего не связало их с фотографией.

Она закрыла ноутбук. Если послание относилось к её прошлому, отправитель знал больше, чем она могла восстановить из одной фразы. Если не относилось — он хотел, чтобы она сама построила эту связь. Обе возможности оставались открытыми. Анна решила не делать из догадки признание.

Перед сном она записала в отдельный файл: «Д7. Конверт без марки. Фотография неизвестной женщины. Фраза: „Ты уже видела это раньше“. Не установлено: кто оставил, когда оставил, к чему относится „это“, совпадает ли изображённая женщина с увиденной из окна». Потом добавила: «Сообщено Громову».

В комнате напротив погас свет. Анна не подошла к окну. Она сидела за столом и смотрела на собственную запись. В ней не было ни имени женщины, ни объяснения письма. Но впервые рядом с рассказом о нападении появился предмет, существование которого не зависело от того,

насколько точно она помнила вечер. Кто-то хотел, чтобы Анна испугалась своей памяти. Она решила начать с того, что можно проверить.

Глава 10. Имя на объявлении

Утром Анна впервые не открыла фотографию. Она открыла список дел, составленный накануне, и перечеркнула два пункта: «сравнить лица» и «вспомнить, где видела». Оба предполагали, что собственная память даст ей ответ. Теперь нужен был источник, существовавший независимо от неё.

Громов сказал по телефону, что проверка снимка идёт, но не назвал ни имени, ни основания для выводов. Анна не стала просить того, чего он не имел права сообщать. Она спросила другое: можно ли передать ему ссылку на открытое объявление, если такое найдётся. Он ответил, что информацию можно прислать, а оценивать её будут отдельно.

В поисковой строке она набрала описание женщины, потом стёрла его. «Светлые волосы, около тридцати» — так можно было описать сотни людей. Фотография из конверта не была пригодна для обратного поиска как доказательство. Сходство изображения с найденной в интернете страницей могло возникнуть и от того, что кто-то использовал тот же снимок. Анна записала это прежде, чем продолжила.

Она начала с объявлений о пропавших людях, опубликованных в последние недели. Неофициальные сообщества, страницы поисковых отрядов, городские группы — слишком много записей без дат и источников. На третьей странице она увидела женщину у кирпичной стены. Снимок был другим: лицо чуть повернуто, волосы собраны, рядом обрезан край вывески. Но сочетание черт заставило её задержаться.

Под фотографией стояло имя: Марина Лебедева. Возраст и описание одежды были указаны со слов родственников. Дата последнего контакта не совпадала с вечером, когда Анна видела нападение: она была раньше. Это не опровергало её наблюдения. Это лишь означало, что между последним подтверждённым разговором и тем вечером существовал промежуток, о котором она ничего не знала.

Анна не нажала сразу на телефонный номер. Сначала сохранила адрес страницы, время доступа и копию текста. В объявлении был указан координатор добровольческого поиска и просьба сообщать сведения через него либо в полицию. Никаких официальных документов на странице не было. Она переписала: «Публичное объявление. Личность пока не подтверждена».

Через несколько минут ей позвонила Елена. Анна попросила приехать не для того, чтобы вместе рассматривать фотографии, а чтобы проверить одну простую вещь: существует ли объявление с другого устройства и не изменилось ли оно за время просмотра.

— Ты ищешь свидетеля в интернете? — спросила Елена.

— Я ищу человека, который знает имя. Пока это разные задачи.

Елена открыла ссылку у себя. Страница существовала, но её комментарии были закрыты. На старых репостах имелась дата публикации, на день позже исчезновения. Елена предложила написать под одним из них, однако Анна остановила её: публичный вопрос о возможном убийстве способен причинить семье вред и предупредить того, кто следит за поиском.

Они сверили не только изображение, но и текст. В одном репосте возраст был указан неверно. В другом к имени добавили отчество, которого не было в исходном объявлении. Анна отметила обе ошибки. Чем больше страниц они находили, тем меньше хотелось принимать повторение за независимое подтверждение.

— И что теперь? — спросила Елена.

— Теперь надо выяснить, кто разместил исходное сообщение. И дать полиции возможность проверить его без нас.

Она отправила Громову ссылку, снимок экрана и короткую записку, где отдельно перечислила установленные сведения и собственное предположение о сходстве. В ответ пришло только: «Получено». Ответ ничего не объяснял.

После обеда позвонил координатор поискового объявления. Анна не рассказывала о нападении. Она представилась, сказала, что видела опубликованную фотографию, и спросила, кто уполномочен отвечать за достоверность сведений. Мужчина назвал имя родственника, который дал согласие на публикацию, и предложил передать ему её контакт. Анна отказалась сообщать подробности неизвестному посреднику и попросила, чтобы родственник сам связался с ней через номер, указанный на странице. Разговор занял меньше двух минут. После него у неё дрожали пальцы.

К вечеру Громов сообщил, что сведения из объявления приняты к проверке, а открытый источник сам по себе не является удостоверением личности. Анна согласилась. Она боялась услышать другое — уверенное «это она» без объяснения, откуда оно взялось.

Поздно вечером на телефон пришло сообщение с незнакомого номера: «Мне передали, что вы спрашивали о Марине. Я её отец. Илья Лебедев. Что вы знаете?» Анна долго смотрела на слова. Она могла ответить одним страшным предложением. Вместо этого написала, что располагает наблюдением, которое передала полиции, и готова встретиться в общественном месте. Она не называла дочь погибшей. Не обещала отцу, что знает правду.

Отправив сообщение, Анна вновь открыла объявление. Имя теперь имело лицо, но между лицом и тем, что она видела из окна, по-прежнему оставалась дистанция. Её нельзя было устранить силой сочувствия.

Глава 11. Отец Марины

Илья Лебедев пришёл раньше назначенного времени. Анна узнала его не по описанию, а по тому, как он стоял возле окна кафе, не снимая пальто и не притрагиваясь к чашке. В сообщении он написал, что будет в серой куртке. На нём было тёмное пальто. Она поняла, что ошиблась бы, если бы искала одежду, а не человека, который ждал её.

— Вы Анна? — спросил он.

Она кивнула и назвала фамилию. Илья не предложил сесть. Сначала попросил показать, что именно она видела. В его голосе не было просьбы. Скорее требование, которое он долго удерживал в себе.

— Я не могу подтвердить, что женщина из окна — ваша дочь, — сказала Анна. — Я видела нападение. Лицо различала плохо. Потом получила фотографию, похожую на вашу публикацию.

Илья выслушал без движения. Когда она произнесла слово «похожа», он поднял голову.

— Все говорят «похожа». А у вас она была перед глазами.

— На расстоянии между домами. И не всё время лицом ко мне.

Он наконец сел. Анна заметила, что его руки оставались на коленях, как будто он боялся коснуться стола и оставить на нём что-нибудь лишнее.

— Мне сказали, вы переводчица.

— Да.

— Это важно?

— Не знаю. Пока нет основания связывать мою работу с исчезновением Марины.

Он коротко усмехнулся. В этой реакции было больше усталости, чем насмешки. Анна достала блокнот, но не раскрыла его. Она не хотела допрашивать отца пропавшей девушки. Но без точных дат у них оставались лишь догадки.

Илья показал ей фотографию на телефоне. На ней Марина сидела за столом с раскрытой тетрадью и смотрела на фотографировавшего с явным раздражением. На экране можно было увидеть дату создания файла, но Анна не стала объявлять её подтверждённой: устройство могло переносить и менять сведения. Илья сказал, что снимок сделан весной, когда дочь приезжала к нему.

— Она собирала бумаги, — произнёс он. — Говорила, что в моём деле есть ошибка.

— В каком деле?

— В том, из-за которого меня судили.

Он посмотрел на неё, ожидая узнавания. Анна не узнала. Год, фамилия, обрывок чужой биографии — этого было недостаточно. Илья назвал 2011-й и статью, но детали обвинения пересказал коротко, будто боялся, что слова снова сделают его виновным.

— Марина работала с документами сама? — спросила Анна.

— Не всё мне рассказывала. Ей было стыдно за то, что она подозревала меня раньше. Потом решила доказать, что ошиблась.

— Это ваши слова о её мотивах. Она говорила вам именно так?

Илья отодвинул чашку.

— Вы всё разбираете по словам?

— Сейчас это единственное, что я могу сделать осторожно.

Он хотел возразить, но промолчал. Потом достал распечатку поискового объявления. Внизу стояла подпись волонтёрского координатора и контакт, совпадавший с номером, по которому Анна звонила вчера. Это подтверждало, что человек напротив связан с поиском. Родство же следовало устанавливать отдельно, и Анна не просила показывать личные документы посреди кафе.

Илья рассказал о последнем разговоре с дочерью. Она позвонила вечером, сказала, что встретится с человеком, который может объяснить старый перевод, и попросила не искать её до следующего дня. Он обиделся на эту просьбу. Через сутки стал звонить сам. Телефон сначала отвечал короткими гудками, потом перестал быть доступным.

— Почему вы не сказали об этом в объявлении? — спросила Анна.

— Потому что там должно быть написано, где её искать. А не то, что она мне наговорила перед исчезновением.

Анна не могла спорить. Она спросила, сообщал ли он об этом полиции. Илья ответил утвердительно, но не показал копию заявления. Анна записала дату с пометкой «со слов Ильи».

— А вы что скрываете? — неожиданно спросил он.

— Что вы имеете в виду?

— Вы говорите так, будто заранее знаете, какие слова мне нельзя произносить.

Она почувствовала укол злости. Илья потерял связь с дочерью, а она защищала себя от его подозрения, как будто речь шла о неудачном переводе договора.

— Я не могу сказать вам то, чего не знаю, — ответила Анна.

Илья отвернулся к окну. За стеклом шли люди с пакетами и зонтами, жизнь, которая не нуждалась в их разговоре. Через минуту он достал телефон и показал часть переписки с Мариной. В сообщениях были даты, просьбы найти старые бумаги и короткое «позже объясню». Между двумя сообщениями зиял заметный промежуток.

— Это вся переписка? — спросила Анна.

— Всё, что имеет значение.

Ответ был слишком быстрым. Анна не стала настаивать. Она отметила, что не видела всей переписки, и попросила сохранить оригинал на устройстве, ничего не удаляя. Илья убрал телефон.

— Вы думаете, я ей навредил?

— Я думаю, что сейчас не имею права решить это за вас или против вас.

Они обменялись номером Громова — Анна предложила Илье связаться с ним непосредственно, не через неё. Илья сказал, что уже общался с сотрудниками полиции по заявлению об исчезновении. Она не стала уточнять, совпадают ли эти сотрудники с теми, кто проверяет её вызов: ей этого не сообщили.

На выходе Илья остановился.

— Если вы действительно видели Марину, почему не можете сказать мне, жива она или нет?

Анна впервые за встречу не нашла точного ответа, который не звучал бы жестоко.

— Потому что я этого не видела, — произнесла она наконец. — Я видела, как на неё напали. И больше ничего, что позволило бы мне утверждать исход.

Он ушёл, не попрощавшись. Анна осталась у двери кафе и поняла, что впервые её осторожность причинила кому-то явную боль. Отказ от ложной уверенности не делал её добрее. Он лишь не позволял причинить ещё одну, более тяжёлую боль позже.

Глава 12. Оговорка

Ночью Анна открыла старую папку с переводами за 2011 год. Она не собиралась искать там фамилию Лебедева: собственные рабочие материалы хранились неполно, а документы по судебным делам не должны были лежать в личном архиве. Ей нужно было проверить другое — чем она занималась тогда и насколько вообще могла помнить чужие формулировки пятнадцатилетней давности.

В то время она была стажёром. Перепечатывала расшифровки, сверяла имена, исправляла технические ошибки под наблюдением старших. Её подпись иногда стояла на листах передачи материалов. Она никогда не считала это участием в решении дела. Теперь это прежнее «никогда» показалось подозрительно удобным.

На следующее утро Илья позвонил сам. Он сказал, что готов показать копии документов, но только если Анна не станет передавать их журналистам. Она ответила, что не собирается ничего публиковать, и предложила встретиться там, где можно спокойно рассмотреть бумаги. Они выбрали читальный зал небольшой библиотеки. Там не требовалось оставаться друг с другом наедине.

Илья принёс прозрачную папку. В ней лежали копии приговора, листы с отметками, несколько страниц машинописного перевода и письмо, отправленное когда-то его защитнику. Порядок листов был нарушен. Анна попросила разрешения записать названия и даты, не фотографируя содержание. Илья согласился с условием, что она не станет уносить ни одного листа.

— Вы говорили, что Марина нашла ошибку, — начала она. — В каком документе?

— В показаниях иностранца. Он говорил одно, а в суде получилось другое.

— Вы видели исходный текст?

— Мне его пересказывали.

— Кто?

Илья назвал адвоката, работавшего с ним в 2011-м, и тут же добавил, что тот давно перестал отвечать на звонки. Анна не знала, можно ли полагаться на это имя и жив ли вообще человек. Она записала его только как источник пересказа.

В переводе было предложение: «Свидетель подтвердил передачу денежных средств». Ниже следовало перечисление участников встречи. Текст выглядел уверенно, почти сухо. Анна прочитала его дважды и спросила, что именно оспаривал Илья.

— Он не видел, — сказал Илья. — Этот человек не видел, как передавали деньги. Так было в оригинале.

— У вас есть оригинал?

— Нет. Марина говорила, что найдёт.

— Тогда пока мы знаем, что вы оспариваете перевод, а не чем он отличается от исходника.

Илья с силой закрыл папку. Несколько читателей обернулись. Анна ждала, пока он снова её откроет. Ей хотелось уступить, назвать очевидной несправедливость, которую он проживал столько лет. Но документ на столе был копией русского текста. Из него нельзя было восстановить слова свидетеля на другом языке.

— Вам мало того, что я отсидел? — спросил он негромко.

— Мне недостаточно пересказа, чтобы доказать подлог. Это разные вещи.

Он долго смотрел на край стола. Потом сказал, что Марина в последние недели просила его найти не приговор, а старую опись приложений. Анна подняла глаза.

— Почему опись?

— Там должно быть указано, сколько листов было в иностранном тексте. Она говорила: если перевод короче, это ещё не доказательство, но повод спросить, куда делись слова.

Анна впервые за утро почувствовала не страх, а профессиональный интерес, почти неприятный на фоне чужой беды. Опись позволяла бы проверить наличие и движение документа, но не содержание пропущенной фразы. Это был узкий, реальный путь.

Она попросила показать лист с подписью. Илья нашёл ксерокопию сопроводительного листа. Внизу были отметки канцелярии, дата и неразборчивая фамилия человека, принявшего комплект. Анна узнала форму бланка. Не конкретный лист — тип бумаги и расположение полей. В её прежней работе такие бланки проходили через руки ежедневно.

— Вы были там? — спросил Илья, заметив её заминку.

— Я работала в переводческом бюро в том году. Это ещё не означает, что видела именно ваше дело.

Он побледнел.

— Вы знали с самого начала?

— Нет. Я впервые услышала вашу фамилию вчера. Сейчас я вспомнила, как выглядели сопроводительные листы.

Она произнесла это медленно, потому что сама проверяла каждое слово. Воспоминание о типовом бланке не было воспоминанием о конкретной подписи. Ей захотелось немедленно найти старые трудовые записи, доказать, что её должность не давала права заверять перевод. Но она понимала: такой ответ звучал бы как защита ещё до предъявления обвинения.

Илья вытащил другой лист. На нём были выделены две строки, где перевод приписывал свидетелю личное наблюдение. Илья сказал, что Марина сравнивала эти строки с чьей-то устной записью. Чьей именно, он не знал или не хотел говорить. Анна спросила, видел ли он сам запись. Он отрицательно покачал головой.

— Она говорила: важны не деньги, а слово «лично», — произнёс он. — Если человек не видел передачу, это не то же самое, что видел.

Анна записала: «Личное наблюдение — предмет проверки; исходник отсутствует». Её рука двигалась уверенно, но под столом она сжимала колено, чтобы скрыть дрожь.

Выйдя из библиотеки, они остановились у лестницы. Илья спросил, может ли полиция получить оригинал. Анна ответила, что вопрос о доступе к материалам дела должен решаться законным путём и что она не вправе обещать результат. Он сказал, что слышит эту фразу пятнадцать лет. Она не стала спорить.

Дома Анна достала коробку со старыми бумагами. Среди справок об обучении и черновиков нашлась запись о практике в бюро, с датами, пересекавшимися с периодом дела Лебедева. Это ещё не было свидетельством её участия в переводе. Она сфотографировала справку и положила отдельно, чтобы не потерять.

Потом открыла сообщение Ильи, в котором он прислал номер архивной описи, записанный Мариной. Цифры были без пояснения, откуда они взялись. Анна не стала искать неофициальный доступ к материалам. Она составила список вопросов для Громова: существует ли в деле оригинальный иностранный текст, как он был зарегистрирован, какие копии могли законно получить участники, кто подписал окончательный перевод. И отдельно — могло ли её бюро выполнять техническую часть работы.

Последний вопрос она перечитала три раза. Ещё вчера он относился к чужому делу. Теперь — к её собственной биографии. И всё же она не позволила себе подменить поиск доказательств поиском оправдания. Сначала нужно было увидеть два текста. Только потом решать, кто и за что отвечал.

Глава 13. Вопрос к журналу доступа

На третье утро после встречи с Ильёй Анна обнаружила, что научилась различать два вида ожидания. Первое заставляло смотреть на телефон каждые пять минут. Второе было хуже: она уже знала, какой вопрос должна задать, и боялась услышать ответ, который ничего не объяснит.

Нина Белова согласилась встретиться не в доме напротив, а в небольшой пекарне у остановки. По телефону она дважды уточнила, не собирается ли Анна приводить журналистов. Анна ответила, что журналистов не знает. Это было правдой, хотя Белова, вероятно, спрашивала не об этом.

За стеклом пекарни рабочий с оранжевым жилетом выметал с тротуара песок. Белова вошла быстро, словно опасалась, что её увидят через витрину. Она была в тёмном пальто, застёгнутом до подбородка, и держала сумку обеими руками.

— Вы сказали, что вам нужен журнал, — произнесла она вместо приветствия. — У меня его нет.

— Я хотела узнать, существовал ли он.

— Это разные вопросы.

Анна кивнула. Она слышала в этом не отказ, а попытку заранее очертить границу. Белова села спиной к стене. Чашку чая она не заказала.

— После смерти владельца квартира пустовала, — сказала Белова. — Но пустующая квартира не означает, что туда никто не входит. Были осмотры, бумаги по наследству, люди, которые представлялись от имени заинтересованных сторон. Я не проверяла каждый документ. Не имела полномочий.

— У вас были ключи?

— Был комплект для доступа по согласованию. Это не то же самое, что распоряжаться квартирой.

Анна достала блокнот, но не открыла его. Белова следила за движением её руки с явным неудовольствием.

— Кто выдавал ключи в последние недели?

— Иногда я. Иногда их забирали у другого человека. Вы хотите, чтобы я сейчас назвала всех по памяти и потом отвечала за ошибку?

— Нет. Я хочу понять, что можно проверить.

Белова впервые посмотрела на неё прямо. В её глазах была усталость человека, который несколько дней готовил ответы на чужие обвинения.

— На стойке лежала тетрадь. Не официальный реестр. Дата, фамилия, иногда номер телефона. Иногда писали «осмотр» и больше ничего. Я говорила об этом сотруднику полиции.

— Вы передали тетрадь?

— Я показала, где она хранится. Дальше спрашивайте у них. У меня нет права фотографировать чужие данные и раздавать их.

Анна записала только слова «тетрадь на стойке» и «показала полиции». Никаких фамилий. После двух бессонных ночей результат казался ничтожным.

Белова заметила запись и сжала ремень сумки.

— Если там нет чьей-то подписи, это ещё не значит, что он не приходил, — добавила она. — А если есть, не значит, что он заходил именно в эту квартиру. Я однажды записала человека, который просто забрал конверт.

Анна подняла голову. Это была первая фраза, не похожая на заученную защиту.

— А что означает запись о ключах?

— Что кто-то взял или вернул ключи. Если запись сделана честно. Вы всё время хотите, чтобы бумага знала больше человека.

Анна хотела возразить, что именно этого она не хочет. Но вспомнила сопроводительный лист 2011 года: бумагу, которой кто-то позволил говорить за отсутствующего свидетеля. Она промолчала.

После короткой паузы Белова сама назвала день, который Анна не упоминала. За несколько суток до нападения, сказала она, у квартиры будто бы готовили место для просмотра документов. Ей запомнился запах упаковочной плёнки в общем коридоре. Она не видела, что заносили внутрь, и не знала, кто заказал работу.

— Вы уверены, что это было именно тогда?

— Нет. Я уверена, что запах был. А день могу путать.

Анна осторожно уточнила, не видела ли Белова девушку, похожую на Марину. Та ответила, что фотографии в интернете ненадёжны: лицо узнают, когда уже знают, кого ищут. Женщин она видела несколько. Одну — с папкой, другую — с телефоном. Ни одну не могла назвать по имени.

— А мужчину, который сопровождал девушку?

— Я не говорила, что её кто-то сопровождал.

Анна почувствовала, как краснеет. Вопрос содержал готовую историю, и Белова справедливо отказалась её подтверждать.

— Извините. Я неправильно спросила.

— Вы не первая.

Официантка поставила рядом чужой заказ; Белова вздрогнула от звона блюдца. Анна поняла, что страх этой женщины тоже имеет цену. Если тетрадь окажется важной, её небрежность станет предметом вопросов. Если не окажется, вопросы всё равно останутся.

— Вы могли оставить ключи кому-то без записи? — спросила Анна.

— Могла. И это моя ошибка. Но я никого не убивала и не знала, что там случится.

— Я не обвиняю вас в убийстве.

— Тогда не смотрите так, будто всё уже решили.

Анна закрыла блокнот. Белова не предложила продолжать разговор. У двери она задержалась и сказала, не оборачиваясь:

— Там был человек, который всегда говорил «мы согласовали». Я не знала, кто эти «мы». Это не фамилия и не доказательство. Просто мне тогда казалось, что он имеет право распоряжаться.

— Вы назвали его полиции?

— Я рассказала, что помню.

Она ушла, не попрощавшись.

На улице Анна остановилась возле афишной тумбы и развернула записи. У неё было три разных утверждения: существовала тетрадь посещений; доступ к ключам был распределён между несколькими людьми; Белова помнила подготовительные действия, но не могла уверенно датировать их. Ни одно утверждение не связывало конкретного человека с нападением. Вместе они опровергали лишь удобную мысль о квартире, куда семь лет никто не входил.

Она позвонила Громову. Он выслушал её без перебиваний и спросил, записывала ли она разговор.

— Нет. Я сделала заметки после.

— Не пытайтесь получать у неё чужие персональные данные. И не публикуйте её имя.

— Я не собиралась.

— Хорошо. Что вы хотите от меня?

Анна посмотрела на слово «тетрадь», обведённое дважды.

— Чтобы вы проверили, где она находится, если это относится к вашему материалу. И чтобы не считали запись о ключах записью о присутствии в комнате.

— Мы сами определим значение документов, — ответил он, но без прежней резкости. — Ваши сведения зафиксирую как сообщение. Если потребуется, вас вызовут.

— Она сказала, что рассказала полиции о человеке, который говорил «мы согласовали».

— Это не имя.

— Знаю.

— Тогда почему вы звоните?

Анна задержала ответ. Потому что впервые за несколько дней услышала от другого человека не отрицание её наблюдения, а описание обычной человеческой небрежности. Потому что пустота квартиры стала менее загадочной и от этого страшнее.

— Потому что между «никто не жил» и «никто не мог войти» есть разница, — сказала она.

Громов не ответил сразу. Затем попросил прислать точное время встречи и предупредил, что не будет обсуждать ход проверки. Анна согласилась.

Дома она разложила на столе две страницы: заметки о Беловой и номер описи, присланный Ильёй. С одной стороны — неофициальная тетрадь, в которой имя могло появиться без посещения. С другой — официальный лист, из которого, по словам Ильи, могла исчезнуть важная оговорка. Она почувствовала неприязнь к собственному желанию объединить эти вещи в один вывод.

Вечером пришло сообщение от Ильи: «Марина искала не только текст. Она спрашивала, кому выдавали копии». Анна перечитала его несколько раз. Вопрос о копиях имел смысл независимо от того, кто вошёл в квартиру. Если существовал исходный документ, должен был существовать и путь, по которому его могли передавать.

Она написала Илье, что не станет просить его переслать чужие закрытые материалы. Ей нужны только сведения, которыми он вправе распоряжаться, и источник каждого номера. Он ответил не сразу: «Она записала фамилию специалиста. Проверю, можно ли вам её дать».

Анна выключила настольную лампу, оставив свет в прихожей. В окне напротив снова было темно. Её больше не успокаивало отсутствие света. Но и темнота не была доказательством. Это различие она решила удержать, даже если оно не приближало ответ.

Глава 14. След исходного текста

Илья прислал фамилию утром, после короткого сообщения: «Я спросил разрешения. Она согласна говорить только о документах». Женщину звали Ольга Мельникова. В записке не было должности, только номер телефона и просьба не пересылать его дальше.

Анна набрала номер с третьей попытки. Она боялась, что после звонка подозрение станет реальнее. Мельникова ответила спокойно и сразу уточнила, кто рекомендовал обратиться.

— Я не могу подтвердить содержание документа, которого не видела, — сказала она, когда Анна объяснила цель.

— Мне пока нужно понять, существовал ли исходный текст как отдельный объект.

— Это уже более точный вопрос.

Они договорились встретиться в читальном зале открытого делового центра. Мельникова не обещала ничего принести. Анна записала время и долго смотрела на экран телефона. Слова «более точный вопрос» неожиданно ободрили её. Последние дни она почти разучилась задавать вопросы без готового ответа.

По дороге Анна зашла в магазин канцтоваров и купила прозрачную папку. В ней лежали только собственные записи, публично доступная информация и копия листа, переданная Ильёй. Она несколько раз проверила содержимое: ей не хотелось, чтобы Мельникова приняла её за человека, который пытается получить доступ к чужому делу обходным путём.

Мельникова оказалась невысокой женщиной с серебристой прядью над виском. Она не стала спрашивать, верит ли Анна в убийство. Вместо этого попросила назвать точную задачу.

— Есть утверждение, что в переводе свидетельского показания исчезло отрицание личного наблюдения, — сказала Анна. — Я не видела оригинала. Есть номер описи и ксерокопия сопроводительного листа. Мне нужно понять, можно ли по этим данным установить, что оригинал вообще поступал в комплект.

Мельникова попросила показать только ту копию, которую Анна вправе использовать. Надела очки, медленно просмотрела поля и отложила лист.

— Это не подтверждение содержания. И не подтверждение подлинности подписи. Но у формы есть признаки регистрации приложения. Вопрос в том, что именно обозначено номером.

— И как это узнать?

— Через опись и движение документа. Не через догадку по виду бланка.

Анна почувствовала облегчение и разочарование одновременно. Слова были профессионально безупречны, но не приближали её к фразе, которую, по словам Ильи, кто-то убрал.

Мельникова нарисовала на листе три прямоугольника. В первом написала «иностранная речь / запись», во втором — «расшифровка», в третьем — «перевод». Между ними оставила промежутки.

— Вы всё время говорите «оригинал», — заметила она. — Но оригиналом чего? Звукозаписи? Стенограммы на иностранном языке? Перевода, выполненного с расшифровки? Эти вещи могут иметь разные даты и разных составителей.

Анна вспомнила, как в девятнадцать лет принимала от старших сотрудников листы без приложений. Тогда ей казалось, что все бумаги одного дела обязательно лежат в одной папке.

— Если иностранный текст был зарегистрирован, он мог не сохраниться рядом с переводом?

— Мог. Но мы не будем придумывать, где он находится. Сначала узнаем, что именно внесено в опись. И кто имеет право эту опись запросить.

Мельникова указала на цифры, присланные Ильёй. В одной группе был разделитель, который мог означать номер приложения, а мог — внутренний индекс бюро. По копии это не устанавливалось.

— Марина говорила отцу, что в иностранном тексте было больше строк, — сказала Анна.

— Больше строк — не больше смысла. Длины языков не совпадают. Если вам важна отрицательная оговорка, нужно увидеть конкретную пару фрагментов, а не сравнивать число листов.

Анна кивнула. Именно это ей следовало сказать Илье.

— Можете ли вы подтвердить, что документ подменили?

Мельникова сняла очки.

— Нет. Я даже не подтвердила, что два документа существуют в том виде, как вы предполагаете. Я могу помочь сформулировать перечень проверок. И не стану называть подлогом различие, пока не исключены техническая ошибка, неполная копия и разные стадии редакции.

В этот момент Анна поняла, что Мельникова не станет удобным союзником. Она не поддерживала версию Анны и не опровергала её. Она охраняла границы того, что можно сказать вслух.

Они составили короткую таблицу. Первая колонка — источник утверждения; вторая — что он подтверждает; третья — чего не подтверждает. Илья мог сообщить, какие документы видел и что говорила Марина. Ксерокопия могла показать внешний вид листа, но не доказать историю его изготовления. Номер описи мог указать путь поиска, но не содержание приложения. Анна предложила добавить четвёртую колонку: кто имеет право получить материал.

Мельникова одобрительно подняла брови.

— Вот это уже не любительское расследование, — сказала она. — Это попытка не испортить будущую проверку.

Анна не стала объяснять, что профессиональная аккуратность сейчас служила ей способом не думать о собственном страхе.

В разговоре возникла ещё одна деталь. На копии Ильи рядом с номером приложения стояла помета о рабочем экземпляре. Анна узнала привычное сокращение, но не могла вспомнить, использовали ли его именно в том бюро, где она проходила практику.

— Вы уверены? — спросила Мельникова.

— Нет. Мне знакомо сокращение. Это всё.

— Тогда запишите именно так.

Анна записала. Слово «знакомо» оказалось тяжёлым. Впервые прошлое не просто возникло рядом с историей Лебедева, а коснулось её собственной работы.

Она рассказала, что в 2011 году была стажёром в переводческом бюро. Не называла это признанием: пока она не знала, работала ли над конкретным комплектом. Мельникова не стала делать выводов.

— Должность и фактическое действие нужно устанавливать отдельно, — сказала она. — Стажёр мог печатать, переносить, сверять. Но подпись под сопроводительным листом не всегда означает удостоверение всего перевода. Важно, где и зачем она поставлена.

Анна ощутила короткий приступ стыда: ей захотелось ухватиться за эту оговорку как за оправдание.

— Я понимаю, — сказала она. — Пока у меня нет даже подтверждения, что это моя подпись.

— И не нужно решать заранее, что вы виноваты или невиновны. И то и другое мешает читать документы.

Когда они вышли из зала, Мельникова отказалась брать копию на хранение.

— Оставьте её у себя, — сказала она. — Если возникнет официальная проверка, происхождение каждого экземпляра должно быть понятно. Я могу письменно перечислить вопросы, но не стану выдавать заключение по фотографии листа.

Анна поблагодарила её. На лестнице она заметила мужчину, который говорил по телефону, стоя лицом к стене, и мгновенно почувствовала знакомое напряжение. Она не знала его. Он не смотрел на неё. Анна заставила себя не превращать случайного посетителя в наблюдателя.

В метро она составила сообщение Громову. В нём было четыре вопроса: зарегистрирован ли иностранный исходный материал; существует ли отдельная расшифровка; как оформлен перевод; кто вправе запросить документы для сопоставления. Она не приложила чужую копию и не назвала предполагаемого фальсификатора.

Громов ответил вечером: «Получено. Сведения оценим в рамках проверки. Самостоятельно закрытые материалы не запрашивайте». Анна перечитала сухую фразу и впервые не почувствовала себя отстранённой. По крайней мере, вопрос оказался записан.

Она позвонила Илье. Он сразу спросил, нашла ли она доказательство.

— Нет, — ответила Анна. — Я нашла способ выяснить, что именно нужно искать. Это медленнее.

— Марина тоже так говорила. А потом перестала отвечать на звонки.

Его голос стал жёстким. Анна поняла, что её осторожность звучит для него как равнодушие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.